

Свобода как культурная ценность

В.М. Межуев

доктор философских наук, профессор

Вопрос о том, что такое свобода, осознает ли современный человек эту категорию как исключительную ценность, – серьезнейшая философская проблема, уходящая в глубины истории человечества. Как мыслит свободный человек, каков образ его жизни, как влияет осознание свободы на творческую личность, и какую роль в этом играет культура, наконец, что есть «вечные ценности», – этим сущностным проблемам посвящена статья.

УДК 1Ф"20" +37.01

АННОТАЦИЯ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

философия,
история, человек,
свобода, лич-
ность, культура,
общество, время,
вечные ценности,
цивилизация

О свободе написаны горы книг, в которых она рассматривается с разных позиций и сторон – философской, религиозной, научной, правовой, моральной и т.д. Уже одно это свидетельствует о том, что свобода относится к числу фундаментальных ценностей человеческого существования. Человек, осознавший ценность свободы, испытывает при ее отсутствии чувство дискомфорта, собственной неполноценности, невосполнимой утраты. С какого же момента свобода становится для него такой ценностью? Мнение о том, что она была ценностью во все времена, не кажется мне слишком убедительным.

Большую часть истории люди даже не подозревали о существовании свободы или не придавали ей существенного значения. Для многих и сегодня свобода либо мало что значит, либо является тяжелым бременем, от которого лучше всего избавиться (феномен, описанный Э. Фроммом в его знаменитой книге «Бегство от свободы»). А разве в России свобода для всех стала наиболее ценным благом? Судя по социологическим опросам, интересы государства, семья, материальный достаток, карьера, национальная идентичность ценятся большей частью населения намного выше личной свободы. И как часто можно услышать, что не свобода, а что-то другое является ценностью для русского человека.

Считается, что человек от природы наделен свободой, является свободным по факту своего рождения. «Человек рождается свободным» – начинает свой знаменитый трактат

Ж. - Ж. Руссо. Возможно и так, но что заставляет его дорожить своей свободой? С таким же успехом можно утверждать, что, будучи по природе разумным существом, он всегда ценил свой разум выше того, что открывалось ему в мифе или в опыте религиозного откровения. До признания ценности собственного разума еще надо дорасти. И в случае свободы дело обстоит сходным образом. Человек, возможно, свободен от рождения, но при отсутствии у него ценности свободы почему-то легко смиряется с ее подчинением чужой воле.

В статье «Рождение свободы» (1944) замечательный русский историк и философ Г. П. Федотов усмотрел прямую связь между свободой и определенным типом культуры. Свою статью он начинает с уже цитированных слов Руссо, но полагает, что Руссо ошибался, считая свободу природным даром. В природе нет никакой свободы. Человек создан для свободы – это верно, но отнюдь не рождается свободным. Вопреки мнению Руссо, свобода – плод не природы, а культуры, причем не любой, а ее наивысшего типа. «Свобода есть поздний и тонкий цветок культуры», что не умаляет ее первостепенной ценности («драгоценности», по выражению Федотова) для человека. Из всех известных цивилизаций, писал Федотов, мы находим свободу только в «нашей цивилизации» и в «нашем времени», хотя вопрос о том, что считать «нашим», требует пояснения. Во всяком случае, свободу как «основу общественной жизни» нельзя обнаружить даже в Древней Греции и Риме. Греки, по словам Федотова, считали свободой независимость своего государства от чужеземных захватчиков или демократическое самоуправление. «Это была свобода для государства, на которую не могли притязать ни личность, ни меньшинственная группа.»

В этом пункте с Федотовым можно, конечно, и поспорить. Индивидуальная свобода, присущая каждому, грекам, конечно, неведома. «Свободнорожденными» они считали лишь граждан полиса, т.е. самих себя, отказывая в свободе иноплеменникам, рабам, домашним работникам, торговцам, женщинам. Но все же свобода для них – образ жизни самих людей, правда, немногих, обеспечиваемая несвободой большей части человечества, занятой производительным трудом. И такой привилегией свобода по существу остается и в наше время¹.

Правда, уже христианство распространит свободу, понятую как свобода воли (или как свобода выбора между добром и злом), на всех людей. Однако в христианском вероучении свобода дарована человеку Богом с единственной целью – чтобы тот добровольно и без всякого принуждения мог исполнять

¹ «Свобода, – по словам З. Баумана, – родилась как привилегия и с тех пор всегда ею оставалась. Свобода делит и разделяет. Она отделяет лучших от остальных. Свою привлекательность она черпает из различия: ее наличие или отсутствие отражает, отмечает и обосновывает контраст между высоким и низким, хорошим и плохим, желанным и отталкивающим»// Зигмунт Бауман. Свобода. – М., 2006. С. 22.

Его волю. Всякое своеволие – источник греха, путь к Сатане, как о том свидетельствует история человеческого грехопадения. Позитивный, творчески созидательный смысл человеческой свободы, существующий наряду с природной необходимостью и божественным предопределением, будет осознан лишь гуманистами эпохи Возрождения, а затем теоретически осмыслен философами Нового времени. Но и в этом качестве свобода останется привилегией особой группы лиц, занятых преимущественно духовным трудом.

Кому же из смертных дарована свобода? Для греков примером свободного человека является, прежде всего, философ, живущий в мире чистой мысли и вечных истин. Но свобода философа ограничена лишь царством мысли, не распространяется на практические дела и поступки. Тех, кто способен не только мыслить, но и действовать в свободе, побуждаемый заботой не о своей личной пользе, а об общем благе, греки называли политиками, относя к ним всех свободных граждан полиса. К философу и политику Аристотель добавит художника, способного бескорыстно наслаждаться чувственной, телесной красотой. Все три являют собой образ жизни свободного человека, не зависящего от жизненной нужды и ею созданных обстоятельств. Им противостоят те, кто занят полезным трудом, – либо по собственной воле (земледельцы и ремесленники), либо по принуждению (рабы и домашние слуги).

Новое время коренным образом изменит отношение к частной – трудовой, семейной, предпринимательской – сфере жизни, до того выносимой за пределы свободы. В буржуазном обществе индивид чувствует себя свободным как частное лицо, в границах своего частного дела. Если греки понимали под свободой свободу от домашнего труда и хозяйства, позволяющую заниматься политикой, философией и искусством, а под несвободой – власть главы семейства над домочадцами, слугами и рабами, то теперь свобода стала отождествляться с частной жизнью и частной собственностью, а несвобода – с государством, власть которого надо по возможности ограничить. Все «трансцендентные профессии», связывающие человека с вечностью и называемые иначе свободными профессиями, обесценились. Время, ставшее деньгами, одержало полную победу над вечностью, возвестив о рождении нового мира, в котором нет ничего вечного и абсолютного.

Как считает тот же Зигмунт Бауман, в современной культуре все мосты, соединяющие человека с вечностью, оказались полностью разрушенными. Путь в вечность окончательно закрыт для современного человека, и ему остается лишь сосредото-

точиться на своем телесном существовании, найти в нем смысл и ценность. Жизнь современного человека, как в язычестве, свелась к времени его биологической жизни, отождествляется с жизнью тела, а не духа. Забота о теле стала его главной заботой, оттеснив на второй план все помыслы духовного порядка. Наиболее значимым и переживаемым событием жизни становится смерть. Во всем видят теперь неизбежную печать смерти, признак надвигающегося конца, приближающейся гибели. Смерть стала главной темой и в художественном творчестве. По словам Баумана, «самые известные художественные артефакты наших дней высмеивают бессмертие или обнаруживают к нему полное равнодушие... Исчезновение и умирание – вот что выставляют ныне в художественных музеях». Это не кризис культуры, а попытка пересадить ее на новую и ранее чуждую ей территорию, на которой нет места бессмертию и вечности.

Победа времени над вечностью, по мнению многих философов, – отличительная черта Нового времени. Здесь время с его текучестью и подвижностью (историческое время) окончательно вытеснило из сознания всякую отсылку к вечным сущностям и субстанциям – в их религиозном и метафизическом истолковании. Все трансцендентное утратило свою силу. В мире, в котором нет места вечности, в котором все преходяще и, конечно, нет и свободы, ибо, как бы ее ни понимать, она всегда есть победа человека над временем, его прорыв из «плена времени» в вечность, способность жить если не вечно, то в вечности, в царстве истины, добра и красоты. Здесь исток любого подлинно художественного творчества.

Не спи, не спи, художник,

Не предавайся сну,

Ты – вечности заложник

У времени в плену.

Это слова Пастернака. Свобода (не только художника) всегда есть прорыв к тому, что неподвластно времени, несет на себе печать вечности.

Для консервативно мыслящего сознания восстановить утраченную связь с вечностью можно лишь путем отказа от истории или ее остановки, прекращения. Неприятие истории, стремление «остановить мгновение», вернуться назад, в прошлое – характерная черта такого сознания, обеспокоенного утратой «вечных ценностей». Либо «вечные ценности», либо история – так обычно ставится вопрос. Но и вечность, застывшая в своем величии, также лишена свободы. Напомню, что главным обвинением в адрес гегелевской философии с ее претензией на абсолютное знание как раз и было обвинение в

подавлении индивидуальной свободы, не оставляющей отдельному индивиду никакого выбора.

И у нас не все в порядке с историческим временем: мы его явно не любим, боимся, не ждем от него ничего хорошего. Все, что движется во времени, вызывает у нас чувство опасения и тревоги, надвигающейся угрозы, неминуемо ожидающей нас беды. Движению во времени предпочитаем расширение в пространстве, более озабочены местом России в мировом пространстве, чем в мировой истории. И судим о ней преимущественно в терминах геополитики, а не хронополитики. Высшими достижениями в своей истории считаем присоединение новых земель, но не реформы, менявшие облик страны. Даже реформы Александра II и Столыпина оцениваем не с точки зрения их значения для обновления России, ее движения вперед, а с позиции упрочения существующего порядка вещей. Сегодня хорошим тоном считается возвеличивание Ивана Грозного и Александра III с их ориентацией на укрепление самодержавной системы власти. Все наши революции почему-то заканчивались реставрацией – восстановлением того или иного подобию старого режима. Дух охранительства у нас явно сильнее духа реформаторства, блокируя или сводя на нет все попытки модернизации. На протяжении последних трехсот лет Россия прилагала огромные усилия по своей модернизации, создавая впечатление неизвестно куда мчащейся тройки, а воз вроде и ныне там.

Но можно ли, не порывая с историей, сохранить связь с вечностью, с «вечными ценностями»? Как совместить движение во времени и свободу? В этом я вижу проблему, стоящую перед современным человеком. Подразделив всю человеческую историю на три основных времени – домодерна, модерна и постмодерна (т.е. прошлое, настоящее и будущее) – попытаемся кратко пояснить, как каждое из них решает эту проблему?

Домодерн держится на силе традиции (или обычая) – здесь прошлое диктует свои законы настоящему. Его потому и называют традиционным обществом. Время в таком обществе как бы движется по кругу, уподобляется природному времени с его постоянной сменой одних и тех же жизненных циклов. Будущее здесь – повторение прошлого. Все застывает в состоянии «вечного покоя», или, выражаясь более современным языком, социального застоя. «Нет ничего нового под Луной», «все опять повторится сначала» – вот и вся мудрость жизни в таком времени. Люди, ориентированные на прошлое как высшую ценность, не испытывают, как правило, потребности в личной свободе.

Из традиционного общества, отвергающего любые социальные инновации, путь один – на небо, в потустороннее царство вечной жизни. Иного пути движения здесь просто нет. Религиозная вертикаль, идущая от земли к небу – единственная возможность в этих условиях освободиться от власти времени. Все мировые религии в этом смысле – своеобразная самокритика традиционного общества с его неспособностью к социальным изменениям и преобразованиям.

В обществе модерна (на Западе его называют модернизи) на смену власти традиции придет власть разума, с которой и станут отождествлять свободу («свобода – познанная необходимость»). Модерн – это рационализация всех форм жизненного поведения человека. Все, что не прошло проверку разумом, отвергается как суеверие и предрассудок. Человек, опирающийся на собственный разум, будет искать спасение не на небе, а на земле, в самом ходе своего общественного развития. Вертикаль, ведущая на небо, превращается в горизонталь, связующую настоящее с будущим. На смену упованию небесного царства приходит социальная утопия с ее устремленностью не в потусторонний, а в грядущий мир – в мир «светлого будущего».

В модерне время летит вперед, ни на чем не останавливаясь, ничему не придавая абсолютного значения. Оно окончательно побеждает вечность, закрывает к ней все пути и дороги. Ценится только то, что приносит осязаемый доход. Время модерна – это время производительного труда, делающего деньги («время – деньги», по выражению Франклина). Главным временем жизни для большинства людей становится рабочее время, в котором человек предстает как рабочая сила, работающая по найму. Подобно природной силе она столь же обезличена, лишена индивидуальности. Свобода, если и существует здесь, то в виде либо формально-правовой и потому столь же обезличенной регламентации общественной жизни (что само по себе также очень важно), либо привилегии тех, кто не ограничен в своей деятельности рабочим временем. Ведь подлинная свобода – это право человека быть самим собой, индивидуальностью, или, как говорят философы, субъектом, творящим самого себя и всю сумму своих отношений с другими лишь в соответствии с отпущенными ему природой дарованиями и достигнутым уровнем общечеловеческой культуры. В этом смысле каждый человек – художник. Даже не обладая какими-либо художественными талантами, он в любом случае создает в жизни одно произведение – самого себя. Мы свободны в той мере, в какой являемся авторами этого произведения, а не послушными исполнителями чужой воли.

Иное дело, что свобода одного не должна ущемлять свободу других. Она также ограничена определенными законами – правовыми и моральными, т.е. включает в себя определенный момент самоограничения. Свобода не отрицает ни зависимости, ни власти, но только зависимостью является здесь зависимость от себя, а властью – власть над собой.

Но как свобода может сочетаться с необходимостью жить во времени? Данный вопрос и породил в научной литературе проблему свободного времени. Пока главным временем человеческой жизни и мерой общественного богатства является рабочее время, свободное время является временем не общественной, а только приватной, частной жизни. И только в нем человек чувствует себя относительно свободным. Это и понятно. В рабочее (или служебное) время люди не выбирают начальников и сослуживцев, подчиняются правилам и инструкциям, которые предписаны им характером труда, организацией производства. Их действия жестко регламентированы и расписаны по функциям и ролям. Труд в рабочее время носит необходимый и вынужденный характер. Но разве для большинства людей в современном обществе такой труд не является основным? Разве за его пределами – в сфере семейной или личной жизни – они не чувствуют себя более свободными? Для многих и сейчас время, проведенное в семейном кругу, среди родных и близких, заполненное домашними делами и заботами, намного предпочтительней времени трудовой деятельности на производстве или на службе. В первом времени мы живем, во втором – только зарабатываем на жизнь. Но отсюда следует, что общественная и человеческая жизнь во многом еще расходятся между собой, находятся друг с другом во взаимоисключающем отношении. И не так уж неправ был Маркс, сказавший как-то, что в современном обществе человек чувствует себя человеком при исполнении своих животных функций – в еде, питье, процессе размножения и пр., тогда как в обществе он чувствует себя животным.

Сам по себе рост свободного времени еще ничего не меняет в этом отношении. Он лишь расширяет рамки потребительской активности, усиливает страсть к приобретательству, дает простор настроениям гедонизма и консюмеризма. Для человека, чья общественная жизнь исчерпывается рабочим временем, свободное время сводится исключительно к личному потреблению, к поиску новых развлечений и острых ощущений. На подобное времяпровождение работает вся современная индустрия досуга. Время летит здесь с ускоренной быстротой, ни на чем не задерживаясь, ничего не оставляя в памяти, ни к чему не

устремляясь. Такое время не так уж и свободно от того же рынка, навязывающего посредством рекламы нужные и не нужные человеку товары и услуги.

Отсюда необходимость выхода в состояние, которое можно условно назвать постмодерном. В нем главным временем общественной жизни как раз и становится не рабочее, а свободное время, понимаемое, однако, как время не свободы от труда, а свободного труда, субъектом которого является человек в качестве не рабочей силы, а свободной индивидуальности, действующей исключительно в силу своих личных дарований, талантов и способностей. Это время труда по призванию, диктуемого исключительно личной одаренностью и уровнем полученного образования и культуры. Иными словами, свободен лишь тот, кто полностью распоряжается временем не только своего потребления, но и своего труда. Такой труд позволяет человеку вступать в свободное общение со своими современниками, предками и потомками, как бы жить жизнью всего человеческого рода, что, собственно, и равносильно его жизни в вечности. В любом случае свобода становится для человека ценностью с того момента, как он получает возможность самому распоряжаться временем своей жизни, использовать его в целях расширения ее временных и пространственных границ, ее наполнения всем тем, что несет с собой человеческая культура. ■

ЛИТЕРАТУРА:

1. Руссо Жан Жак. Об общественном договоре. Трактаты. – М., 1998.
2. Федотов Г.П. Рождение свободы / Г.П. Федотов. Судьба и грехи России. Избранные статьи по философии русской истории и культуры. Т.2. – СПб., 1992.
3. Федотов Г.П. Россия и свобода / Там же.
4. Фромм Эрих. Бегство от свободы. – М., 1990.
5. Бауман Зигмунт. Свобода. – М., 2006.
6. Арендт Ханна. Vita active, или о деятельной жизни. – СПб., 2000.
7. Фридман Милтон. Капитализм и свобода. – М., 2006.
8. Пайпс Ричард. Собственность и свобода. – М., 2000.
9. Геллнер Эрнст. Условия свободы. – М., 1995.
10. Закария Фарид. Будущее свободы: неолиберальная демократия в США и за их пределами. – М., 2004.